

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

К 90-ЛЕТИЮ Н. Ф. ЯКОВЛЕВА

В 1928 г. Н. Ф. Яковлевым была предпринята попытка создания общей теории письма, орфографии и графики. В ее основе лежала оригинальная фонологическая концепция, **фонология**, сыгравшая революционизирующую роль в становлении фонологии и лингвистического мировоззрения XX в. Для осознания места и роли фонологии Яковлева в науке о языке необходимо вспомнить некоторые существенные факты ее истории. «Теория фонемы» зародилась в России. И. А. Бодуэн де Куртене, подводя итоги первых успехов экспериментальной фонетики, еще в 1870 г. сформулировал положение о принципиальном несовпадении физической природы звуков с их значением в механизме языка и обосновал необходимость строгого разграничения звука (фона) и фонемы, антропофонии и психофонетики. В рамках психофонетики развивал учение о фонеме Л. В. Щерба, подчеркивавший смыслообразительную роль фонемы.

Концепция Бодуэна — Щербы нашла благоприятный отклик у специалистов в области экспериментальной фонетики, явившейся эмпирической базой методики обучения орфографии как практического приложения учения о фонеме.

В конце XIX — начале XX в. в России шла оживленная дискуссия о реформе русской орфографии, заставившая серьезно задуматься об отношениях между буквой и звуком, буквой и графемой, между буквой, звуком и фонемой. В ней приняли участие А. А. Шахматов и И. А. Бодуэн де Куртене, Ф. Е. Корш и Л. В. Щерба, Д. Н. Ушаков и Е. Д. Поливанов, В. И. Чернышев и многие другие. Подготовкой реформы руководил акад. Ф. Ф. Фортунатов, основоположник так называемой «формальной школы» отечественного языкознания, основной принцип которой гласил: «Лингвистические задачи следует решать лингвистическими методами». Настоящая жизнь науки начинается там и тогда, когда наука приобретает автономию и имеет возможность решать свои собственные задачи своими собственными средствами. А. А. Шахматов поставил задачу заменить психологические критерии собственно лингвистическими. Эту задачу и решил Н. Ф. Яковлев: фонему следует «принять целиком обусловленной определенным соотношением звуковых и семантических элементов в лексике и морфологии данного языка как статической системы. Это позволило бы „фонологии“... перенести теоретическую базу на почву собственно лингвистики, в данном случае статической (т. е. синхронической)» (см. ниже). Н. Ф. Яковлев предложил решение парадокса минимальных единиц языка. Суть этого парадокса заключается в том, что все минимальные единицы языка (слова и морфемы) имеют определенное значение лишь в рамках данного языка, вне контекста которого они превращаются в бессмысленное «бормотание», а звуковые «атомы» языка как бы носят интернациональный характер. «Звук *z* такого-то языка произносится так же, как фонема /*z*/ в таком-то слове родного языка учащихся», — утверждает любая фонетика иностранного языка. Но если фонема — минимальная единица данного языка, то и она должна получать лингвистическое содержание лишь в рамках данного языка на данном этапе его развития. Вне контекста данного языка фонема, как и любая другая единица языка, остается просто физическим звуком.

Бодуэн освободил звуковой «атом» языка от физикализма, Щерба определил его лингвистическую функцию, Яковлев освободил его от психологизма, превратив фонему в собственно лингвистическую единицу, детерминируемую соотношениями с другими единицами данного языка. Развивая позиционную фонетику своих учителей, он решил «фонологическую задачу» соотношения разнообразных звуков речи в речевом потоке с фонемой: их объединяет не столько физическое сходство или языковое чутье говорящих, сколько позиционная обусловленность. Позиционно чередующиеся звуки являются вариантами одной фонемы. Здесь на месте психофонетики выступает фонология и впервые введены в научный оборот те фундаментальные понятия, на которых несколько позже будет строиться фонология (сильная и слабая позиция, фонемные ряды, дифференциальные и интегральные элементы, нейтрализация, корреляция и многое другое). Дальнейшее развитие фонологии в фонологию — фундаментальная задача коллег Яковлева по Московскому университету, начавших свою научную деятельность в московской диалектологической комиссии (Н. С. Трубецкой и Р. О. Якобсон, Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров, П. С. Кузнецов и А. А. Реформатский и др.). Они убедительно показали, что фонема — явление физическое — действительно получает лингвистическое содержание лишь в системе данного языка на данном этапе его развития, детерминируется местом и ролью в системе языка. Заложив основы системно-функционального подхода ко всем явлениям языка, они неоднократно подчеркивали, что приоритет освобождения от психологизма и перенесения решения «фонологических» задач в лингвистику принадлежит Яковлеву.

Поразительно, что работа, где были впервые сформулированы фундаментальные положения науки XX в., была издана в количестве всего 100 экз. стеклографическим способом и никогда не переиздавалась. Речь идет о работе Н. Ф. Яковлева «Таблицы фонетики кабардинского языка» (М., 1923). Ниже приводятся выдержки из этой книги, сразу ставшей библиографической редкостью (с. 1—109, всего в книге 129 с. + 5 табл.). Публикуемые выдержки из книги условно названы нами «Принципы фонемологии». Известно, что Н. Ф. Яковлев готовил более детальное изложение своей теории фонемологии и делал заявку на шесть авторских листов. Но это издание не осуществилось.

Ашнин Ф. Д., Журавлев В. К.

ЯКОВЛЕВ Н. Ф.

[ПРИНЦИПЫ ФОНЕМОЛОГИИ]

Руководящим принципом систематики звуковых явлений служила для меня теория фонем, предложенная проф. И. А. Бодуэном де Куртене¹ и развитая проф. Л. В. Щербой², хотя я не согласен с необходимостью того психологического обоснования этой теории, какое предлагается в указанных работах.

Согласные

Фонемологические данные. Вполне соглашаясь с проф. Л. В. Щербой («Русские гласные...», с. 19), что «при диалектологических исследованиях (и, добавим, вообще фонетических исследованиях любого, в особенности, — малоизвестного языка) едва ли не самым важным является не записывание разных тонких (фонетических) отличий (в конце концов, с усовершенствованием методов наблюдения — бесконечных), а констатирование того, какие отличия в данном языке важны, а какие не важны, с точки зрения смысла» (т. е. с точки зрения семантической), я должен, однако, хотя бы бегло наметить несколько иной путь теоретического решения проблемы фонем и «фонемологической» фонетики вообще, поскольку это необходимо для дальнейшего изложения.

Едва ли нужно доказывать, что та или иная фонема как «совершенно конкретное звуковое представление может быть в сознании отдельного говорящего так же неосознаваема (в особенности если она не имеет аналога в графике), как и любой из «звуковых оттенков» (вариантов фонемы); наоборот, многие из последних иногда так же легко попадают в поле сознания говорящего, как и фонемы, стоит ему только специально направить внимание и, так сказать, передвинуть порог фонетического различения. Таким образом, индивидуальное сознание говорящего едва ли может служить особенно надежным базисом фонетических изысканий, да фактически не оно и является этим базисом в работах последователей теории фонем. Таким базисом является место и роль отдельных звуковых моментов в системе «смысловых», т. е. морфологических и лексических элементов языка, а собственно психофонетические наблюдения в области различения отдельных звуковых моментов доставляют сюда лишь вспомогательный материал. Но если «элементы звуковых представлений получают известную самостоятельность благодаря смысловым ассоциациям, как *л* в словах: *пыл, бил, выл, дала*, ассоциированное с представлением прошедшего времени, а в словах *корова, вода*, ассоциированные с представлением субъекта» и т. д. («Русские гласные...», с. 6), если «мы воспринимаем как тождественное все, ... ассоциированное с одним и тем же смысловым представлением (как *ê* и *e* в *дети/детки*) и различаем все, способное... ассоциироваться с новым значением, как *t'* и *t* в *одеть/одет... тук/тюк*» и т. д., «...если всякому туземцу известные звуковые отличия ясны именно потому, что они ассоциируются в его языке с морфологическими и смыс-

¹ J. Baudouin de Courtenay. Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen. Ein Kapitel aus der Psychophonetik. Strassburg (Krakau), 1895.

² Л. В. Щерба. Русские гласные в количественном и качественном отношении. СПб., 1912.

ловыми представлениями», то не следует ли и самую фонему, как она существует в индивидуальном сознании говорящего и осуществляется в фактах его говорения, признать целиком обусловленной определенным соотношением звуковых и семантических элементов в лексике и морфологии данного языка как статической системы. Это позволило бы «фонемологии», продолжая пользоваться психофонетическими наблюдениями как вспомогательным, по существу внелингвистическим методом, перенести теоретическую базу на почву собственно лингвистики, в данном случае статической³.

Исходя из такой постановки проблемы в целом, мы можем наметить следующее решение вопроса о том, каким объективным оттенкам соответствуют фонемы. Так как определенным фонетическим положением для данного «звукового оттенка», строго говоря, будет всякое положение его, как в контексте, так и вне контекста, в том числе, и нарочито отчетливое (в моей терминологии — эмфатическое), и «протянутое его произношение», то звуковой оттенок, осуществляемый в последнем, лучше принципиально не считать находящимся «в наименьшей зависимости от окружающих условий». Ряд звуковых оттенков (т. наз. комбинаторных и факультативных вариантов), выделенный в данном языке, как целое — «фонема», — и противопоставленный всем другим наличным здесь рядам — фонемам, представляет исследователю известную свободу выбора отдельного оттенка как условного символа единства всего ряда подобно тому, как выбор формы того или иного падежа как символа единства всех форм словоизменения одной лексемы есть до известной степени дело условное. Однако, если попытаться найти в объективной фонетической системе языка объяснение такому действительно существующему явлению, как выбор большинством говорящих на данном языке одних и тех же звуковых оттенков в качестве символов фонемных рядов, то, кроме указанного — статистически преобладающего в эмпирических фактах говорения и обусловленного внеконтекстовым нарочито-отчетливым произношением оттенка, следует принять во внимание оттенок 1), сочетающийся с представителями преобладающего числа других фонем данного языка, т. е. обусловленный наиболее распространенным в последнем фонетическим положением, и 2) что особенно важно, наблюдаемый в положении наибольшего различия фонемных рядов в данном языке. Таким для согласных в русском языке, напр., является междугласное положение в середине слова перед велярными гласными, где различаются ряды глухих, звонких, веляризованных («твердых») и палатализованных согласных фонем, тогда как аналогичное положение в исходе слова характеризуется совпадением звонких фонемных рядов с глухими⁴.

Самый выбор внеконтекстового варианта в качестве конкретной фонемы предопределяет артикуляционно-акустическое содержание последней в такой же точно степени, как определенное положение в контексте обуславливает артикуляционно-акустическое содержание любого комбинаторного варианта⁵, и вряд ли можно доказать, что в первом случае (во внеконтекстовом произношении) психофонетически (т. е. субъективно, в сознании говорящего) налично то же самое «фонемосодержание», как и объективно воспринимаемое исследователем, если принять во внимание автоматизацию процесса произнесения звуков речи как необходимое ус-

³ Следуя терминологии F. de Saussure'a — Cours de linguistique générale, Lausanne, 1916 — «синхронической».

⁴ Один из многочисленных способов «объективного» выделения границ слова в русском языке, почему-то отрицаемого Р. Якобсоном: («О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским». Берлин, 1923, стр. 29), где, меж пр., в приводимом им же примере: *Уторàпливает шàз* исход первого слова совершенно отчетливо выражен редукцией гласного последнего слога, который при всяком ином словоразделе, в предударном положении, количественно и качественно резко отличался бы от данного.

⁵ Так, в кабардинском (и в ряде других яфетических языков — грузинском, ингушском) во внеконтекстовом и эмфатическом произношении надгортанные мгновенные типа ж звучат, как настоящие аффрикаты со своеобразным элементом фрикации, тогда как в речевом контексте этот элемент безусловно и целиком отсутствует.

ловие их привычного воспроизведения. Поэтому следует особо подчеркнуть важность выяснения комбинаторных вариантов в указанных двух фонетических положениях в контексте при установлении фонемологической системы любого языка.

Противопоставление фонемологических элементов как «значимых» — «незначимых»⁶ может подать повод к крупному недоразумению.

В языке нет и не может быть элементов, не выделенных в известном определенном отношении к его семантической стороне или, лучше сказать, — к характерной для данного языка системе семасиологизации, и в этом смысле всякое языковое явление, как предмет лингвистики, конечно, «значимо». Однако отношение звуковой стороны к семантической может быть двойным: внеконтекстовые единства звуковых признаков, выделенные в отношении к системе «индивидуальных» значимостей⁷ в языке и будут лингвистическим соответствием психофонетической «фонемы», иначе «значимых», «фонологических», «грамматических» и проч. элементов. В этих внеконтекстовых единствах объединены кратчайшие для данного языка моменты звукового контекста, имеющие лингвистическое значение. С другой стороны, звуковые явления, выделенные в отношении к общим условиям значимости звукового контекста в языке (в том числе — к принципам выделения в контексте словесных единств), соответствуют комбинаторным явлениям психофонетической теории, иначе, элементам «незначимых», «внеграмматическим» и проч., и захватывают всегда два или несколько кратчайших моментов звукового контекста. Элементы первого рода можно было бы назвать дифференциальными, а второго — интегральными моментами фонетической системы языка. Здесь не место подробнее останавливаться на этом чисто теоретическом вопросе лингвистической фонетики, которому я думаю посвятить специальную работу; можно только подчеркнуть, что семасиологическое значение интегральных элементов в языке столь же велико, как и дифференциальных⁸.

Первые являются принципами или формами всякого контекстирования звуков в данном языке, и малейшее уклонение от них в эмпирике говорения сейчас же регистрируется сознанием говорящего, как акцентная или невнятная речь.

Типическими для кабардинского языка комбинаторными («фонетическими») положениями в отношении согласных фонем являются следующие:

1) В отношении артикуляционного участия губ: а) активно-лабиализованное — в положении перед лабиализованными долгими (и некротическими) гласными (фонемы \hat{b} , \hat{y} и сочетания фонем \hat{b}^u , \hat{y}^u); б) лабиализованно-различительное — во всяком другом положении. Из этих двух взаимно противопоставленных друг другу форм контекстирования звуков в первой могут не различаться фонемные ряды⁹ [заднеязычных лабиализованных от простых]*. В отношении дополнительной артикуляции губ все соглас-

⁶ Иначе: «фонологических», внутренне обусловленных, грамматических — внешне обусловленным, внеграмматическим, ср. Р. Якобсон (см. выше).

⁷ Под индивидуально семасиологизированными элементами в данном случае понимаются звуковые комплексы, связанные с отдельным реальным или формальным значением: лексемы, морфемы, лексические морфемы (минимум представления слова по Поливанову) и проч.

⁸ Следует также отметить, что определенные дифференциальные элементы одновременно могут быть совершенно иначе выделены в интегральной системе языка, как и наоборот. Например, фонема σ в дифференциальной системе русского языка отнесена в группу спирантов (парная модификация основной артикуляции по признаку звонкости ↔ глухости: $\sigma \leftrightarrow \phi$, $z \leftrightarrow c$, $ж \leftrightarrow ш$), в то время как интегрально она находится в группе сонорных (различение звонких и глухих фонем в положении перед σ , так же как перед $м$, $н$, $р$), т. е. звуков, дифференциально лежащих собственно вне фонемологической категории звонкости ↔ глухости.

⁹ Ряды [лабиализованных согласных] различаются и в этом положении от вариантов [лабиопалатализованных] сохранением места основной артикуляции этих звуков и присущей им известной степени палатализации.

* По техническим причинам знаки транскрипции, приводимые Н. Ф. Яковлевым, опускаются и передаются описательно (в квадратных скобках) — *Ред.*

ые фонемы в этом положении представлены округло-лабиализованными вариантами. В положении б) соответствующие фонемы сохраняют различие пассивной (т. наз. «отсутствие лабиализации») и активной лабиализации (последней в двух ее типах — округлом и продолговатом).

2) В отношении повышающего ↔ понижающего резонанса полости рта: а) палатализационное положение перед долгими (и некроткими) палатальными гласными (фонемы \hat{e} , \hat{i} , сочетания фонем $e\hat{i}$, $i\hat{i}$); б) различительное в отношении повышающего ↔ понижающего резонанса во всяком ином положении. Так как явление палатализации не использовано в кабардинском в качестве признака фонеморазличения (см. ниже), то в палатализационном положении мы не имеем полного совпадения каких-либо фонемных рядов, но в отношении комбинаторного повышения дополнительного резонанса полости рта постоянно палатализованные фонемы... совпадают здесь со всеми остальными фонемными рядами, за исключением лабиализованных..., сохраняющих и в этом положении присущий им резонанс. В положении б) различаются друг от друга палатализованность, промежуточный резонанс и веларизованность как присущие вариантам определенных степеней фонемных рядов звуковые оттенки (в большей или меньшей степени веларизованы фонемы [заднеязычные]).

3) В отношении распределения слогового максимума экспирации: «усиливающее» положение — перед и после краткой гласной фонемы \hat{e} и (факультативно?) перед \bar{a} долгим (и некротким, а также перед другими долгими гласными?) одного слога; в отношении мгновенных согласных фонем — также перед и после гласной фонемы \bar{a} одного слога; б) «слоγοобразующее» положение в отношении длительных и аффрикат перед краткой гласной \bar{a} одного слога; в) «неслоγοобразующее — неусиливающее» положение, характеризуемое совпадением максимума слоговой экспирации с артикулированием гласного. Соотношение между указанными фонетическими положениями в кабардинском не вполне еще ясно. Сюда же, по-видимому, примыкает явление чередования экспираторных и инспираторных вариантов надгортанных фонем. В общем, мы имеем здесь, по крайней мере, в отношении слогообразующего положения, не столько варианты отдельных рядов, сколько варианты слогов, т. е. определенных форм фонемосочетаний. К этому вопросу придется еще вернуться в связи с проблемой фонемы и слога в кабардинском языке. Пока отметим, что именно усиленные (в отношении надгортанных — экспираторные) варианты согласных фонемных рядов могли бы быть приняты за символы фонемных единств в согласии с фактами эмфатического и внеконтекстового произношения; в таком случае термин «слабые» (*lenes*) в отношении к «звонким» не потерял бы своего значения в качестве о т н о с и т е л ь н о г о определения экспираторной силы соответствующих категорий звуков.

Таким образом, положением наибольшего различения в кабардинском следует признать положение их перед краткими гласными (фонемы i , \bar{a}) и долгим (и некротким) \bar{a} одного слога, а также в исходе слова (или слога) после указанных гласных.

За символы фонемных рядов в издаваемых таблицах приняты представители этих рядов (комбинаторные варианты), обусловленные нарочито отчетливыми (эмфатическим) произношением в положении наибольшего различения и вне контекста (в обоих положениях звуковые оттенки в пределах одного фонемного единства в большинстве случаев тождественны). Из факультативных вариантов, свойственных данному положению, в таблице указаны акустически и артикуляционно наиболее дифференцированные в отношении друг к другу (помечены одинаковой арабской цифрой справа). В одном случае, однако, — выделение глухих *lenes* — я несколько отступил от этого правила (см. ниже).

Рассмотрим средства фонемологической модификации основных звукообразующих артикуляций кабардинского языка. Из обозначенных в таблице основных типов звукообразующих работ следует отметить \check{c} , \check{k} как особенно яркие примеры основных артикуляций, фонемологически

в языке действительно неразличимых. В качестве особенно разительного (сравнительно с русской фонетической системой) примера такого неразличения следует привести факультативность чередования в речи мгновенных типа средне-твердонебного κ и шипящих аффрикат типа \check{c} ¹⁰, частью имеющего, по-видимому, диалектическое значение¹¹. Примеры такого рода неразличения основных звукообразующих работ в языке, в общем чрезвычайно богатом тонкими различиями в области согласных, лишней раз убеждают в относительности в каждом отдельном языке порога фонеморазличения и используемых для этого различения средств.

Из дополнительных (присоединяемых к основной артикуляции) средств фонемологической модификации в кабардинском следует отметить противопоставление 1) по источнику экспирации (подгортанность ↔ надгортанность); 2) по дополнительной артикуляции гортани (глухость ↔ звонкость); 3) по дополнительной артикуляции губ (активная округловыступающая лабиализация ↔ пассивная лабиализация). С помощью этих трех дополнительных признаков взаимно противопоставлены друг другу фонемные ряды, совершенно тождественные по своей артикуляции.

Использование источника экспирации как признака фонеморазличения выделяет из основных типов звукообразования группу мгновенных (не гортанных) баз, аффрикат и некоторых неглубоколежащих спирантов ($s_w, p, t, k, q, c, \check{c}$).

⟨...⟩ Наряду с модификацией при помощи дополнительных артикуляций мы наблюдаем как факт, свойственный фонемологическим системам не только яфетических языков, существование группы фонем, дифференцированных по типу основной артикуляции ⟨...⟩. Фонемологически мы вправе были бы считать эти звуки дифференциально лежащими вне категории звонких и глухих, другими словами, артикуляционно звонкими с фонемологически невыявленной звонкостью ↔ глухостью ⟨...⟩.

⟨...⟩ Кроме отмеченных нами двух дополнительных признаков фонеморазличения, в кабардинском налична еще лабиализация округлобилабиального типа. Она выделена в качестве фонемологически модифицирующего признака небольшой группой задне-мягконебных фонем (до 8 фонем, два типа звукообразования). В остальных случаях артикуляционно наличная лабиализация фонемологически выделена лишь противопоставлением звуковых контекстов, т. е. в интегральном отношении. В частности, в задне-твердонебной базе лабиализованные мгновенные противопоставлены среднетвердонебным не столько по признаку лабиализации, сколько палатализованности и иной локализацией основного звукообразования, если не считать фонемологического объединения этого ряда с соответственными шипящими аффрикатами, что само по себе также могло бы служить признаком фонеморазличения.

Таким образом, дифференциально мы имеем в кабардинском языке следующую систему выделения отдельных фонем: 1) группа, модифицированная лишь по признаку противопоставления основных артикуляций ⟨...⟩; 2) группа фонем, модифицированных противопоставлением звонкости ↔ глухости ⟨...⟩; 3) ⟨...⟩ по признаку активно (округло)билабиальной лабиализованности ↔ пассивной лабиализованности (пары соотносительных фонем) ⟨...⟩; 4) ⟨...⟩ по признаку звонкости ↔ глухости и надгортанности ↔ подгортанности (тройки соотносительных фонем) ⟨...⟩; 5) ⟨...⟩ по признакам надгортанности ↔ подгортанности и активной лабиализованности ↔ пассивной лабиализованности (четверки соотносительных фонем) ⟨...⟩.

В интегральном отношении, т. е. в отношении к образованию характерных для кабардинского языка форм звукового контекста, кабардинские согласные фонемы можно подразделить на следующие группы: 1) в отно-

¹⁰ Психофонетическим результатом этого является тот факт, что многие из исследованных мною субъектов действительно не различали описываемых оттенков и, произнося в речи постоянно (независимо от положения) шипящие аффрикаты, утверждали, что они произносят соответственные мгновенные.

¹¹ В говоре Шидокаева я постоянно наблюдал только мгновенные типа \check{c} .

нении повышающего ↔ понижающего резонанса полости рта (...);
2) в отношении активной ↔ пассивной артикуляции гортани (...).

<...> Приведенные группы кабардинских согласных фонем интегрально характеризуют сочетающиеся с ними краткие и долгие гласные.

Гласные

Артикуляционно-акустические данные. Гласные кабардинского языка с точки зрения абсолютной артикуляционно-акустической классификации изучены еще далеко не удовлетворительно. Отчасти причиной этому служит неудовлетворительность существующих классификационных систем гласных звуков, заставляющая видных фонетиков (как проф. Л. В. Щербу) до сих пор искать нового решения этой проблемы. Поэтому моей задачей было, используя схему существующей классификации Bell'a — Sweet'a, попытаться произвести предварительное распределение кабардинских гласных по этой схеме. Главной же задачей было — выделить и в области гласных фонемные единства (см. ниже «Фонемологические данные»), откладывая на будущее время более точный артикуляционно-акустический их анализ <...>.

<...> **Фонемологические данные.** Основным фонемологическим вопросом, который мы должны решить в отношении гласных кабардинского языка, является проблема кратких гласных фонем. Артикуляционно мы имеем две группы кратких гласных: 1) верхнего и 2) среднего подъема, представленных довольно многочисленными звукообразованиями по признаку ряда и лабиализации в каждом. Наличие внутри таких групп оттенки мы прямо можем определить как комбинаторные варианты, появляющиеся в результате регрессивного влияния согласных <...> или в зависимости от положения в речевом контексте ↔ в исходе слов в паузе <...>. <...> Есть следующие основания считать каждую из описанных групп единой краткой гласной фонемой, а все многочисленные звукообразования, артикуляционно дифференцированные в отношении ряда и лабиализованности внутри каждой группы, элементами интегрально (комбинаторно) обусловленными. Во-первых, каждая из подгрупп <...> встречается в сочетании лишь с определенной интегральной (в отношении локализации подъема языка, понижающего ↔ повышающего резонанса и лабиализованности) категорией согласных. Так, лабиализованные подгруппы <...> — лишь после округло-лабиализованных согласных, нелабиализованные <...> — после пассивно или продолговато-лабиализованных согласных фонем; наиболее передние в отношении ряда оттенки <...> — только после постоянно-палатализованных <...>. Во-вторых, после любой согласной фонемы в кабардинском языке, в связи с дифференциацией значения всего сочетания, могут быть выделены только два кратких оттенка, взаимно противоположных по признаку подъема (т. е. один из групп верхнего, а другой из групп нижнего подъема), причем оба они при одинаковом регрессивном влиянии тождественны, как в отношении ряда и повышающего ↔ понижающего резонанса, так и в отношении активной ↔ пассивной лабиализованности. В-третьих, сочетание любой согласный + + соответствующий гласный звуковой оттенок верхнего подъема в морфологически (реже синтаксически) обусловленном положении в исходе слова подменяется вариантом соответствующей согласной фонемы без последующего гласного, т. е. такой исходный согласный в данном случае является комбинаторным вариантом слога <...>.

<...> Таким образом, в небольшом числе случаев дифференциация кратких гласных оттенков по их подъему стоит в определенном отношении к дифференциации отдельных значений. Для нас важно, однако, не количество привлекаемых случаев, но осуществление в фонетической системе языка определенного принципа выделения звуков. Если в пользу признания обеих указанных групп кратких гласных двумя едиными, противопоставленными друг другу краткими гласными фонемами можно привести лишь небольшое сравнительно количество примеров, то, с другой стороны, определенно отсутствуют какие-либо противопоставления на этот счет. В ка-

бардинской лексике и морфологии нет решительно ни одного случая, чтобы различие в ряде, дополнительном резонансе или лабиализованности кратких гласных было выделено в отношении к системе индивидуальной семасиологизации. Таким образом, остается только признать каждую из рассматриваемых нами групп единой фонемой <...>.

<...> Таким образом, в области гласных в кабардинском языке мы можем признать достоверно установленным лишь две краткие гласные фонемы *э* и *е*, результатами слияния которых, при участии гортанного спонганта типа ^с (предположительно) генетически можно объяснить все остальные слоговые гласные элементы в языке. Далее, если принять во внимание, что краткий гласный *э* факультативно является неслоговым и носителем слоговости в этих случаях бывает согласный одного с ним слога, а в исходном положении этот гласный систематически отпадает, то следует поставить вопрос, не имеем ли мы в кабардинском, по крайней мере, в известный период его развития, пример с одной гласной фонемой.